

Хавторин Б.П.,
заслуженный деятель искусств РФ,
доктор искусствоведения, профессор, ректор,
Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей

Чкаловское музыкальное училище в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война внесла серьёзные изменения и коррективы в жизнь музыкального училища г. Чкалова¹. С первых дней войны учебное заведение лишилось своего здания, в нем был размещён военный госпиталь бойцов с ампутированными конечностями. Занятия проводились в нескольких помещениях, рассредоточенных по всему городу, а также на дому у преподавателей и студентов. В учебный процесс были внесены изменения, обусловленные сложившимся положением. В частности, были введены: всеобуч по военному делу, рассчитанный на 110-часовую программу по изучению материальной части винтовки и ручных гранат, санитарной и строевой подготовки; сельскохозяйственное обучение (агротехника); курсы противовоздушной и химической обороны (ПВХО), а также медицинских сестёр. В связи со сложной обстановкой на фронте учебный год начался задолго до установленных сроков и прежде всего по немзыкальным дисциплинам. Свидетельством тому служит приказ № 54 от 8 июля 1941 года, который гласил: «Все преподаватели и студенты Чкаловского областного музыкального училища обязаны обучиться технике местной противовоздушной обороны. Среди студенток организовывается подготовка медсестёр запаса. Занятия начать девятого июля 1941 года» [1, 25].

В связи с приездом эвакуированных музыкантов значительно усилился преподавательский состав училища. В Чкалове оказались многие артисты Ленинградского Академического Малого оперного театра, которые влились в педагогический коллектив наряду с москвичами и прочими беженцами. Подобное мощное кадровое вливание в региональную культуру бывшего СССР тогда было явлением достаточно частым. Напомним об интенсивном культурном строительстве в Куйбышеве, Перми, Новосибирске, об открытии консерватории в Алма-Ате. И нет ничего удивительного в том, что в Чкаловском музыкальном училище работали, наряду с местными преподавателями В. Яблоновской, М. Глаголиной (вокал), М. Ивановой-Михайловой, О. Губачёвой, Е. Юдиной (фортепиано), М. Волковым (скрипка), Л. Военчер, Т. Подкопаевой (теория музыки), А. Ивановым (баян), такие видные деятели культуры, как Л. Ростропович (виолончель), С. Федотова-Ростропович, С. Вакман, Э. Бычач, М. Авербух, Э. Кантор, В. Португалова (фортепиано), Р. Глезер, В. Волошинов, Л. Шульгин (теория музыки), Э. Гиттер-Щипотовская, Н. Гуревич (скрипка), С. Батурина (вокал).

---

¹ С 1938 по 1957 годы город Оренбург был переименован в город Чкалов.

В списке студентов, а затем преподавателей училища числился Мстислав Леопольдович Ростропович, впоследствии всемирно известный музыкант, виолончелист и дирижер. Подавляющее количество эвакуированных преподавателей прибыло в Чкалов из крупных музыкальных центров: Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Ростова. Имея высшее профильное образование и опыт работы, они своей деятельностью оказали заметное влияние на обучение и воспитание студентов, что было очень важно для становления и развития училища в то тяжелейшее время.

В 1942 году в учебном заведении действовало четыре отделения: фортепианное, оркестровое, вокальное, историко-теоретическое. Обучение осуществлялось по 12 специальностям. Количество студентов на пяти курсах колебалось в пределах 90 человек. Больше всего студентов занимались по специальности фортепиано – 29, вокала – 28, скрипки и виолончели – 11, меньше по историко-теоретическим предметам – 6, баяну – 5, валторне – 2, по одному человеку – в классе гобоя, трубы, тромбона, тубы, контрабаса. Процент отсева обучающихся оставался, по-прежнему, высоким. Так, на первом курсе числилось 46 студентов, на втором – 21, на третьем – 10, на четвертом – 10, на пятом – 3 человека. Сложившаяся ситуация на старших курсах отчасти была связана с мобилизацией студентов в ряды действующей армии.

Историко-теоретическое отделение было открыто в 1941 году по инициативе бывшей выпускницы Оренбургского музыкального техникума Р. Глезер. Созданное на базе подготовительных курсов, оно просуществовало всего несколько лет, однако традиции и опыт, заложенные в те годы, в дальнейшем позволили возобновить столь необходимую для училища и музыкальной культуры области специальность. Заведующая отделением Р. Глезер привлекла для работы эвакуированных преподавателей: Волошинова, Шульгина, Швейник, а также местных музыкантов Подкопаеву и Военчер, на которых легла вся тяжесть и ответственность становления новой структуры. Отсутствие необходимых учебников, пособий, нотной литературы, грамзаписей ошутимо сказалось на деятельности отделения в первые месяцы его работы.

Для прослушивания изучаемых произведений в живом исполнении было решено установить творческие связи с коллективом эвакуированного Ленинградского Академического Малого оперного театра. Наличие в городе ряда известных композиторов благотворно влияло на учебный процесс в училище. Возможность живого общения с музыкой и её автором значительно разнообразило усвоение материала и имело важное воспитательное значение.

В 1942 году в училище было открыто хоровое отделение, на первый курс которого поступило 12 человек. Необходимость его создания была обоснована в докладной записке руководства учебного заведения, направленной в отдел по делам искусств облисполкома. Подобно историко-теоретическому отделению, рождение хорового отдела первоначально сопровождалось достаточным наличием квалифицированных педагогических кадров. Однако уже в последующие годы новое подразделение начало испытывать серьёзные кадровые трудности, постоянную текучесть специалистов-профессионалов. В результате низкая успеваемость и большой отсев. Необходимость сохранения и

развития хорового отделения получила свое отражение в отчёте учебного заведения за 1942–1943 год, где предлагалось закрепить деятельность хорового отдела, но этому пожеланию суждено было осуществиться лишь спустя некоторое время.

Крупным событием в истории Чкаловского музыкального училища стало пребывание в нем с 1941 по 1943 годы семьи Ростроповичей. Эвакуированные из Москвы, они поселились в доме близкого им человека: крестной матери Вероники и Славы – Елены Адольфовны Лонткевич. Леопольду Витольдовичу и Софье Николаевне предложили работу в музыкальном училище и школе. Мстислав был определен в музыкальное училище студентом в класс к своему отцу. Вероника занималась по скрипке у эвакуированного в Чкалов артиста оркестра Ленинградского Малого оперного театра С. Ланде. Общеобразовательные предметы дети Ростроповичей посещали во Второй железнодорожной школе, где их крёстная работала преподавателем немецкого и французского языков.

Пятидесятилетний Л. Ростропович в те годы был зрелым, маститым музыкантом, активно совмещавшим концертную деятельность с педагогической работой. Гениальный виолончелист, всесторонне образованный человек, владевший тремя языками, он имел звания заслуженного артиста РСФСР, заслуженного учителя, педагога-отличника, профессора. Для Чкаловского музыкального училища специалист такого высокого уровня явился подарком судьбы. В этой связи руководство училища принимает решение передать всех имевшихся студентов-виолончелистов в класс к выдающемуся музыканту, а именно Б. Антропова, М. Ростроповича, Поппеля, Трошкина. Борис Кузьмич Антропов спустя много лет вспоминал: «Леопольд Витольдович Ростропович вместе с семьёй жил на Зиминской улице в частном доме с палисадником. Я, как зачарованный, окунулся в атмосферу этого музыкального дома. Являясь на занятия, я всегда заставлял Л. Ростроповича, его супругу (пианистку), сына Мстислава за репетициями. Леопольд Витольдович был великой души человек, как исполнитель – непревзойдённый виртуоз. У него было немало учеников и, конечно, первый среди них – Мстислав» [2, 414].

Несмотря на слабое здоровье, Л. Ростропович был вынужден подрабатывать, играя на различных площадках города. Чкалов был перенаселён беженцами из разных регионов страны. Не хватало продовольствия, жилья, топлива. Голод, а затем холод, заставляли музыканта в тяжёлых условиях военного времени, находить любые заработки для физического выживания семьи. Вместе со своими коллегами по Чкаловскому музыкальному училищу, скрипачкой Э. Гиттер и концертмейстером С. Вакман, Л. Ростропович создал ансамбль, выступавший перед сеансами в кинотеатре «Молот». Их репертуар включал различные переложения популярных произведений, отрывков из опер и оперетт, ноты которых Л. Ростропович без труда находил в библиотеке музыкального училища и в доме Е. Лонткевич. Успех к созданному трио пришёл не сразу, о чём позднее Мстислав Ростропович вспоминал: «Я слушал их, теряясь в толпе людей, одетых в ватники (было очень холодно), видел вокруг себя озабоченные

суровые лица, часто равнодушные к музыке, и очень страдал. Решив “помочь” трио, я сделал переложения “Весенних голосов” И. Штрауса и “Лунного вальса” И. Дунаевского» [3, 6]. Положение постепенно исправилось, и ансамбль под руководством Леопольда Витольдовича стал популярным в городе.

Иногда Леопольда в концертах подменял его сын Мстислав. Это случалось, когда отец был болен. Играя в ансамбле с С. Вакман – талантливой пианисткой, лауреатом Всесоюзного конкурса, 14-летний Слава по-юношески горячо полюбил эту молодую красивую женщину. Услышав игру Мстислава Ростроповича, С. Вакман поняла, что имеет дело с поразительно одарённым человеком и через некоторое время, пользуясь личными связями, познакомила его с ведущими артистами Ленинградского Академического Малого оперного театра: А. Модестовым, Б. Гефтом, С. Шапошниковым, С. Казбановым, Н. Бутягиным. «Я был сыном Малого оперного театра, – вспоминал впоследствии М. Ростропович, – я туда ходил, меня там любили, знали, что я способный музыкант. Там были замечательные певцы» [4].

Согласившись аккомпанировать М. Ростроповичу в концертах, С. Вакман была свидетелем его первых удачных выступлений в Чкалове, причем как в роли исполнителя, так и композитора. «Получилось так, что не Москва, а провинциальный Чкалов стал его профессиональной школой» [5, 29]. Мстислав Ростропович и Софья Вакман тесно сотрудничали и в музыкальном училище, в котором он учился, а она работала концертмейстером.

В училище М. Ростроповичу для занятий выдали виолончель под инвентарным номером семь. Инструмент, по воспоминаниям Ростроповича, был с плохим звуком, но невероятно прочным и когда Слава уставал, то садился на него отдыхать. Занимаясь по предметам специального цикла дома с отцом, он редко посещал другие уроки, уделяя большую часть времени виолончели. Бывало так, что академические задолженности в училище, исчисляемые десятком предметов, Слава, в силу своих способностей, мог ликвидировать за один-два дня, что вызывало приятное удивление преподавателей и студентов. Его одарённость, талант, манера исполнения уже в то время вызывали восхищение у сверстников. «В годы войны мне посчастливилось учиться вместе со Славой Ростроповичем, – вспоминала его однокурсница Наталья Селюгина-Стальнова, – впечатление от его игры и тогда было очень сильным. Поражали его эмоциональность, красивый, полный экспрессии звук. Никто из наших учеников, конечно же, ничего похожего не показывал» [2, 417].

Весной 1942 года здоровье Леопольда начало сдавать, и 15-летний Мстислав Ростропович вынужден был замещать отца в музыкальном училище. Вот, к примеру, что можно прочесть в выписке из приказа № 154 от 18 апреля 1942 года: «В связи с длительным тяжёлым заболеванием педагога по классу виолончели заслуженного артиста РСФСР Леопольда Витольдовича Ростроповича зачислить на временную работу педагогом музыкальной школы и музыкального училища ученика пятого класса музыкального училища С. Ростроповича, установив ему как не имеющему высшего специального

образования и стажа педагогической работы, оклад в 240 рублей при норме 18 часов в неделю» [7, 298].

На подростка сразу легла огромная нагрузка, но в годы войны все взрослые сразу. Так началась трудовая деятельность выдающегося музыканта. «Моим ученикам было иногда 20-25 лет, а мне пятнадцать, – вспоминал позднее Ростропович, – но педагогика меня увлекала уже тогда» [3, 58]. Он быстро нашёл общий язык со студентами, проявив дарованный ему наследственный педагогический талант. Разница в возрасте с лихвой компенсировалась его одарённостью и исполнительским мастерством. Но бывали случаи, в основном на эстраде, когда юный возраст всё же вызывал улыбку у зрителей. «Однажды я участвовал в концерте “Вечер вальсов и серенад”, – вспоминал Ростропович, – <...> я играл две пьесы Чайковского и Глазунова. А потом объявили: “Сейчас Славик сыграет “Муки любви”. Как только публика услышала название пьесы, в зале раздался дружный смех – ведь мне было пятнадцать лет, а выглядел я значительно моложе. Я играл с листа по скрипичным нотам, что мало кто заметил» [8, 31].

Умер отец 31 июля 1942 года от сердечного приступа, завещая жене и детям: «Виолончель и рояль не продавать, а Славе учиться у Семёна Козолупова» [5, 30].

Хоронили Л. Ростроповича в Оренбурге «всем миром». Преподаватель музыкального училища М. Волков рассказывал, «какие трудности пришлось ему преодолеть, доставая гробовые доски для последнего пристанища покойного...» [2, 417]. Тело Л. Ростроповича выносили под звуки концерта Чайковского в исполнении его детей Вероники и Славы. Местная газета опубликовала некролог о траурном событии, подписанный находящимися в эвакуации музыкантами И. Держинским, М. Чулаки, Б. Хайкиным, Р. Глезер и директором музыкального училища Н. Гуревичем. «В лице Л. Ростроповича, – значилось в некрологе, – советская музыкальная общественность потеряла большого артиста» [8, 195].

Материальные невзгоды семьи заставляли Мстислава трудиться непомерно: единственный мужчина в доме, он много работал, преподавал, концертировал. Через полвека на пресс-конференции в Оренбурге М. Ростропович констатировал: «Когда у меня умер отец, я написал в тетради: Приказ № 1. Немедленно начать заниматься виолончелью не менее трёх часов в день. Главнокомандующий М. Ростропович» [9, 195].

Несчастье, постигшее семью, породило множество проблем и забот, среди которых главной была материальная. «Мы тяжело переживали это горе, сразу повзрослели, – вспоминала Вероника Ростропович, – настало время, когда, помогая маме и крёстной, играя перед публикой, мы начали зарабатывать себе на жизнь» [2, 406]. Примером такого мероприятия был концерт из произведений Чайковского, устроенный в год пятидесятилетия смерти великого композитора. Среди известных музыкантов Ленинграда и Москвы в афише концерта встречаем имена Славы и Вероники Ростроповичей, выступавших в качестве артистов.

Чувствуя ответственность за осиротевшую семью, Мстислав искал любые приработки. Во дворе дома Е. Лонткевич, в каретном сарае он мастерил своими одарёнейшими руками коптилки и рамки для фотографий, чтобы в выходной день продать их на местном базаре. Он много концертировал, безотказно играл в Чкалове и области. Выступать приходилось в городах, маленьких посёлках и на полевых станах. Нередко с ним рассчитывались продуктами. Однажды в Орске, будучи на гастролях с артистами Ленинградского Малого оперного театра, с М. Ростроповичем «расплатились» за концерт солидным куском колбасы, который он по совету товарища тут же продал на местном рынке, опасаясь, что не доведёт «драгоценный дар» до Чкалова.

Елена Адольфовна Лонткевич (1883–1964) – крёстная мать Мстислава или Кока – так любовно её называли в семье, чем могла помогала Ростроповичам. Продавала, меняла на продукты питания свои вещи, перешивала для детей старую одежду, учила с ними уроки. Е. Лонткевич происходила из потомственной дворянской семьи римско-католического вероисповедания. Главой династии был Адольф Устинович Лонткевич – известный и заслуженный в губернии врач. Трое его детей (сын Евгений, дочери Елена и Юлия) были незаурядными личностями и принимали активное участие в музыкальной жизни Оренбурга в качестве любителей. Самой яркой из них была Елена Адольфовна. Окончив в начале XX столетия Сорбонну в Париже, она возвратилась на Родину и много лет преподавала иностранные языки в различных учебных заведениях города (женских гимназиях, школах). Близким и знакомым ей людям она запомнилась как умная, добрая, образованная и интеллигентная женщина с гордой осанкой и совершенно седой головой. По воспоминаниям соседей, «лицо её ещё хранило черты былой красоты. Она принадлежала к представителям той немногочисленной русской интеллигенции, которая не только не покинула Россию в сумбурные годы Октябрьской революции, выжила в дни сталинского террора, но и употребила все свои силы и знания, “сея разумное, доброе, вечное” в душах подрастающего нового поколения» [10, 196].

После Великой Отечественной войны, спустя годы, она продолжала поддерживать связь с Ростроповичами. Помогала материально Мстиславу, высылала по 500 рублей ежемесячно, называя такую помощь «стипендией отца». До конца своих дней она не прекращала восхищаться талантом Леопольда Ростроповича, очень гордилась успехами своего крестника Славы, рассказывала знакомым о его победах в престижных конкурсах, о зарубежных гастролях.

Бедственное положение Ростроповичей не оставило равнодушными местные власти. Семья в лице Софьи Николаевны была прикреплена на обслуживание продуктами питания к ларьку № 109 Ленинградского Малого оперного театра, а несколькими месяцами ранее их включили в разрядку на снабжение топливом.

Помогая семье материально, областное руководство всячески старалось обеспечить работой Мстислава, включало его в различные мероприятия,

организуемые в городе и области. Так, в августе 1942 года был составлен план работы по художественному обслуживанию колхозов в дни уборочной кампании. Согласно этому документу были созданы шесть концертных групп. В бригаду № 5, составленную из семи человек, входили Слава Ростропович – виолончелист, и Симоновский – скрипач. Вместе с другими артистами они вынесли на суд зрителей разнообразную программу под названием «Музыкальная интермедия из произведений советских композиторов и классиков русской и европейской музыки», с которой успешно выступили в Павловском, Сакмарском и Белозёрском районах области.

Важную роль в жизни Мстислава Ростроповича в Чкалове сыграл Михаил Чулаки. Он стал для него добрым другом, учителем, наставником, заменившим во многом отца. В трудные военные годы М. Чулаки помогал, чем мог – талонами на питание, отеческим советом, деятельным участием в профессиональном становлении молодого музыканта. Свидетельством их дружеских отношений может служить книга Ч. Дикенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» с дарственной надписью: «Дорогому Славе на память о совместном пребывании в Чкалове в день, когда он перестаёт быть несовершеннолетним от Михаила и Елены Чулаки, 27.03.43г.» [6, 197].

Однако наиболее существенной поддержкой стало пособие Московской государственной консерватории, выхлопотанное М. Чулаки и начальником отдела искусств Чкаловского облисполкома М. Незнамовым. В письме, направленном в Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Союза ССР сообщалось: «В городе Чкалове проживает семья заслуженного артиста РСФСР – виолончелиста Л. Ростроповича. Сам Л. Ростропович скоропостижно скончался. Семья покойного осталась без всяких средств существования. О дальнейшей судьбе Славы Ростроповича следует позаботиться сейчас. Он исключительно одарённый виолончелист и композитор <...>. Мы просим Вас о назначении ему ежемесячной стипендии, каковую персонально получают ряд юных дарований, Слава это вполне заслуживает» [11, 149].

Положительный ответ пришёл из Москвы незамедлительно (и это в суровые военные годы!). По решению Комитета по делам искусств с 1 января 1943 года «Славе Ростроповичу, – значилось в документе, – в качестве пособия будет переводиться из Московской государственной консерватории по 250 рублей ежемесячно». В областном государственном архиве, хранящем данное письмо, среди лиц, ознакомившихся с его содержанием, имеется автограф и самого Славы: «Читал. М. Ростропович» [11, 158].

Летом 1943 года семья Ростроповичей переезжает в находившуюся еще на военном положении Москву. «Это стало возможным по настоянию нашей тёти Н. Козолуповой, – вспоминала Вероника Ростропович. – В Москве мы оба поступили в консерваторию. Я по классу скрипки, а брат – виолончели, одновременно он занимался и на композиторском факультете. В 1945 году Слава стал победителем на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, после которого к нему быстро пришла известность. В числе его ближайших друзей в то время стали С. Прокофьев, Д. Шостакович, общение с которыми во

многим помогло ему стать выдающимся музыкантом. Его близким другом был С. Рихтер, а вообще-то в молодости у нас было много друзей и время мы проводили шумно и весело» [2, 407].

В годы войны училище впервые рапортовало о своих достижениях. К 1943 году учебное заведение было полностью укомплектовано высококвалифицированными педагогическими кадрами, активная деятельность которых безусловно сказалась на результатах работы коллектива. Успеваемость составила 98%, посещаемость 86%, значительно сократился отсев учащихся. В связи с этим руководство образовательного учреждения, отчитываясь перед вышестоящими организациями, заявляло: «Необходимо отметить, что, несмотря на исключительно тяжёлые условия работы, музыкальное училище к концу учебного года пришло с отличными и хорошими показателями» [14, 4].

Ярким свидетельством успешной работы учебного заведения в те годы явились отчётные концерты, состоявшиеся в июле 1942 и 1943 годов. Обширная программа мероприятий, включавшая произведения композиторов разных исторических периодов и стилевых направлений, имела, по отзывам очевидцев, немалый успех. Об одном из них читаем: «Отчётный концерт 26 июля показал, что в условиях военного времени училище твердо продолжает свою полезную общественную деятельность. Преподаватели училища М. Глаголина, Э. Бычач, В. Яблоновская, М. Авербух и Н. Гуревич дают хорошие, педагогические навыки в процессе воспитания кадров музыкантов-исполнителей, певцов, педагогов и теоретиков» [12].

В годы войны концертная деятельность училища в основном осуществлялась в рамках военно-шефской работы. Высокий патриотизм, чувство долга перед Родиной породили страстное желание внести свой вклад в общее дело победы над врагом. На одном из собраний педагогической и учащейся состав музыкального училища объявили себя мобилизованными на обслуживание частей Красной Армии. С июля по декабрь 1941 года училищем было дано 179 военно-шефских концертов. Помимо многочисленных музыкальных мероприятий, учебное заведение активно помогало лечебным учреждениям города. Уже в другом отчете читаем: «Училище проделало большую работу в отношении обслуживания подшефного госпиталя вообще и, в частности, одной из палат. В начале войны эта палата была полностью оборудована силами учащихся. Были покрашены полы, окна и двери... Кроме того, выделялись старшекурсники в качестве культработников, проводивших читки газет, журналов и другую хозяйственную работу» [13, 28]. В целом деятельность учебного заведения в годы войны следует оценивать с положительных позиций. Несмотря на все трудности и тяготы того времени руководство училища сумело сформировать и нацелить коллектив на выполнение многих намеченных задач. Были открыты новые отделения, повысилась успеваемость и посещаемость, сократился отсев, развернулась широкая концертная деятельность, военно-шефская работа. Благодаря труду эвакуированных специалистов в училище значительно поднялся уровень преподавания, что в конечном итоге сказалось на результатах его работы.

Литература

1. ОГИИ. Ф. 1125. Оп. 2. Д. 23.
2. Хавторин, Б. Музыкальная культура Оренбурга XX столетия / Б. Хавторин. – Оренбург: Орен. кн. изд-во, 1999. – 438 с.
3. Гайдамович, Т.А. Мстислав Ростропович / Т.А. Гайдамович. – М.: Музгиз, 1969. – 122 с.
4. Литературная газета. – 1993. – 29 декабря.
5. Хентова, С. Ростропович / С. Хентова. – СПб.: Изд-во Культ.-информ.- пресс., 1993. – 303 с.
6. Хавторин, Б. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII–XX века) / Б. Хавторин. – Оренбург: ФГУП «ИПК «Южный Урал», 2004 г. – 632 с., ил.
7. ОГИИ. Ф. 1125. Связ. 3. Д. 86.
8. Чкаловская коммуна. – 1942 – 2 августа.
9. Новое поколение. – 1993. – 9 октября.
10. Оренбургская неделя. – 1997. – 3 апреля.
11. ГАОО. Ф. 1518. Оп. 2. Д. 45.
12. Чкаловская коммуна. – 1943. – 28 июля.
13. ГАОО. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 18.
14. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 9. Д. 45.